

ПРИЗРАК ЗАБРОШЕННЫХ ТРУБ

16+

Мария Цура

16+

Мария Владимировна Цура

Призрак заброшенных труб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63724571

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-98775-3

Аннотация

Сестры Ярополовы вновь переживают опасное приключение. Подруга их бабушки Нина Валентиновна оплакивает сына, пропавшего без вести несколько лет назад. И только Мария и Мирослава знают, что Константин Стрельцов жив! Они пытаются найти его, раскрыв давно забытое убийство, и сами становятся мишенью для киллера.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мария Цура

Призрак заброшенных труб

One day in a nuclear age

They may understand our rage.

They build machines that they can't control,

And bury the waste in a great big hole.

Power was to become cheap and clean

Grimy faces were never seen,

But deadly for twelve thousand years is carbon fourteen...

(Sting "We work the black seam")

Глава 1

Конец октября выдался теплым и солнечным, хотя, пережив несколько хмурых ветреных дней, мы уже отчаялись дождаться хорошей погоды. Но в одно из воскресений термометр неожиданно показал двадцать три градуса, да так и замер на этой отметке до пятницы. Вся семья перебралась на веранду, где были большие панорамные окна с видом на сад, купавшийся в золотистых лучах.

– Смотрите, что пишут, – сказал папа, поправляя на носу очки и перелистывая страницу местной газеты, – «Новолесинский завод комбикорма стал причиной смога, висевшего над городом целую неделю. Сизое облако сформировалось в тучу, пролился кислотный дождь, пожухла трава, слезла краска со здания Пушкинской галереи, и облупился памятник Ленину. Администрацию предприятия неоднократно предупреждали о необходимости установки специальных фильтров, но они лишь отмахиваются и продолжают экономить на нашем здоровье».

– Безобразие! – возмутилась мама. – Хорошо, хоть свалки ликвидировали, а то с какой бы стороны ни въехал в Земляникино, путь лежал через горы мусора.

– Мне казалось, Пушкинская галерея облезла еще год назад, – задумчиво ответила я. – Или ее покрасили непосредственно перед дождем? И что странного в увядшем газоне?

Сейчас ведь осень.

– Будто ты не знаешь про специальный сорт травы, не подержанный смене сезонов, – откликнулась моя сестра Мира. – Ею засадили почти весь город, да и у нас в центре села тоже зеленый ковер перед фонтаном.

– Просто от статьи веет злобой, – пожалала я плечами. – Нет никаких фактов о причастности несчастного завода к аномальным осадкам. Только оценочные суждения.

– О, бабушка идет, – отвлеклась от спора Мирослава и выглянула в окно. – А с ней какая-то тетка в черном пальто.

– Только бы не Зоя! – простонала мама, прикладывая пальцы к вискам и болезненно щурясь. – Она способна довести до обморока бесконечной болтовней. У меня начинается мигрень при одной только мысли о ней.

– Лучше Зоя, чем Валя, – отозвался папа и спешно затянулся сигаретой. – Та сдвинута на здоровом образе жизни, каждый раз цепляется ко мне из-за курения.

Наша семья очень большая. Свою родословную я знаю где-то до середины XIX века, все предки, известные мне, имели много детей. Отпрыски воспитывались в истинно братской любви друг к другу, поэтому с отдалением родства отношения не портились и не прерывались. В нашем доме на правах близких гостей семиюродные бабушки, восьмиюродные дядюшки и пятиюродные сестры. К ним прибавляются жены, мужья, пасынки, падчерицы и прочие. Как вы, наверное, догадались, дни, проведенные в одиночестве, мы можем

сосчитать на пальцах. Иногда это жутко раздражает, но ничего не поделаешь – трудно менять порядок, заведенный еще в годы царствования Александра II, если не раньше.

На сей раз к нам спешила мама моего папы – бабушка Катя. Она представляла собой как раз тот тип, о котором Николай Тихонов писал: «Гвозди бы делать из этих людей: крепче бы не было в мире гвоздей». Божий одуванчик в белой косыночке и уютном переднике – лучшем друге домохозяйек – на самом деле обладал железной волей и нестигаемым характером, а также высокой самооценкой. Екатерина Лукинична никогда не расстраивалась по пустякам и не реагировала на хамские замечания, политые медовым соусом. Если кто-то, закатывая глаза, говорил: «Боже, Катенька, я тебя не узнала, ты так постарела!», бабушка не нервничала, не бросалась к зеркалу и не ходила неделями в мрачном настроении – она моментально выбрасывала это из головы, так как пребывала в уверенности, что выглядит великолепно. Не припомню также случая, чтобы бабуля нарушила обещание, взяла чужое, кого-то обманула или поступилась своими принципами.

– Нина приехала, – возвестила она с порога, едва я открыла дверь. – Захотела с вами поздороваться.

– Очень рады, – вежливо ответила мама, но в ее взгляде читался вопрос: «Кто такая эта Нина? Тетя? Сестра?».

– Вы меня забыли, – укоризненно сказала гостья, снимая пальто и пристраивая его на вешалку. – Я Нина Валентиновна, подруга Катюши и мама бедного Костика Стрельцова.

Женщина судорожно всхлипнула, вынула из кармана обычный хлопчатобумажный платок и громко высморкалась. Я начала припоминать какую-то странную историю, случившуюся три года назад. Тогда я готовилась к поступлению в университет, и не вникала в детали, но некоторые обрывки событий мозг ухватил и сохранил.

Костя Стрельцов работал директором в маленьком аграрном предприятии «Колос колосистый». Кому пришло в голову подобное название? Понятия не имею. Наверное, кто-то счел его забавным. Компания арендовала несколько полей и имела собственный завод по производству комбикорма – не холдинг, но вполне процветающий средний бизнес. Сын Нины Валентиновны стал правой рукой хозяина, хотя парню тогда было всего лишь тридцать лет. Он мог бы жить счастливо, но что-то пошло не так. Тесть Костика утонул в реке во время рыбалки, врачи не сочли его гибель случайной. Началось расследование, полиция заподозрила Стрельцова, но не успела арестовать – молодой человек пропал, как в воду канул. С тех пор о нем нет никаких известий.

– Давайте выпьем чаю, – предложила мама, провожая гостей на веранду.

– Надюша до сих пор его ждет, – бормотала Нина, усаживаясь в плетеное кресло и вынимая из кармана довольно дорогой смартфон. – Каждый день плачем вместе. Неужели я никогда не смогу обнять моего мальчика? Хотите, покажу вам его последние фотографии?

Честно говоря, перспектива разглядывать многочисленные снимки не очень вдохновляла, но в данных обстоятельствах отказываться неудобно. Тем более, бабуля, не спрашивая нашего мнения, заявила:

– Конечно! Мы все очень любили Костю.

Стрельцова засуетилась и принялась лихорадочно листать что-то в телефоне, а потом сунула его прямо мне под нос:

– Вот, это сыночек и моя внучка Ирочка.

Я уставилась на фото, не веря своим глазам, и даже переспросила:

– Это Костик?

– Да! Неужели ты его не помнишь? Хотя, наверное, вы давно не встречались...

Я схватила со стола стакан воды, попила и приложила пустой фужер ко лбу.

– Что с тобой? – испугалась мама. – Мирочка, выведи Машу на воздух. Тебе плохо, солнышко?

– Наверное, давление упало, – промямлила я. – Извините.

Поддерживаемая сестрой, я вышла в сад и глубоко вздохнула.

– Что случилось? – спросила она. – Только не ври, что голова закружилась, я тебя хорошо знаю. Говори правду, что ты там увидела?

– Помнишь парня, который нечаянно сбил меня с ног в аэропорту, когда мы возвращались из Америки?

– Ну?

– Это был Костик! То-то мне показалось, что лицо ужасно знакомое, мучилась-мучилась, так и не вспомнила! А сейчас – бац! – озарение!

– Ты могла ошибиться, – спокойно ответила Мира.

– Шутишь? – прищурилась я. – Посмотри на него: нос вздернутый, необычной формы, словно нарисованный, маленькие глазки, сросшиеся брови, очень высокий рост, плотная, но спортивная фигура, невероятно большие руки, на ребре ладони татуировка «За вас». Такого ни с кем не перепутаешь, даже если захочешь. Вдобавок, он моментально удрал! Понял, что я его узнаю.

– Ты только пока об этом не говори, – предостерегла сестра. – Давай все сами аккуратненько выясним, а уж потом матери сообщим. Мало ли, вдруг ты все-таки обозналась – Нина Валентиновна не переживет.

– Конечно же, я не собиралась огорошивать несчастную! Просто безмерно удивилась. Слушай, я только сейчас подумала: Костик наверняка сел в ближайший самолет и улетел. Мы не сможем его найти.

– Наоборот, – подняла указательный палец вверх Мира. – Стрельцов по ошибке собирался усесться в наше такси – он вышел из здания аэропорта, соответственно, вернулся в Новолесинск. Может, сам объявится.

– Сомневаюсь, уже две недели прошло. Если бы хотел встретиться с родными...

– Может, жена его видела? – перебила Мира. – Костик по-

дозревает в убийстве и должен соблюдать осторожность. Мать у него нервная, болтливая – перестанет рыдать, проболтается, что сын жив, тут его и сцапают. Вероятнее, связался с Надеждой или друзьями.

– Машенька, тебе лучше? – озабоченно спросила мама, высовываясь на улицу с тонометром наперевес. – Иди, померяем давление, и выпьешь кофейку.

Пришлось подставлять руку, ждать, пока прибор покажет 90/70 (надо же, и правда низкое!), а потом прихлебывать противный приторно-сладкий и одновременно нестерпимо горький кофе. Я убежденный чаеман, и с огромным удовольствием получила бы чашечку ароматного «Хейлиса» с бергамотом.

– Костик такой умница! – не умолкала Нина Валентиновна. – Очень ответственный мальчик, талантливый. Был обычным агрономом, но начальник Борис Иванович Кузнечкин оценил его по достоинству и повысил до директора. Уступил свое место, а сам вышел на пенсию, но работал на полставки завскладом, дай Бог ему здоровья.

– Поистине необычная ситуация, – заметил папа.

– Да, Кузнечкин – святой человек. Если бы не этот ужасный случай с Виктором... Как они могли подумать, что мой сын его убил?!

– Кого? – потеряла нить повествования мама.

– Своего тестя, Виктора Дренько, – пояснила Стрельцова. – Говорящая фамилия, право слово. Мерзкий челове-

чишка, постоянно скандалил, судился с соседями, обнюхивал продукты в супермаркете – подозревал продавцов в желании сбыть лежалый товар. Кто виноват, что он поехал на реку ночью один, выкушал бутылку водки, стукнулся безмозглой башкой о камень и свалился в воду?

– Полиция утверждает, что Дренько кто-то ударил по голове тяжелым предметом, – зачем-то возразил папа.

– Чушь! Кому он нужен? Даже родная дочь о нем не говорит – бесполезный паразит.

– Нельзя так говорить о мертвом, – отрезала бабушка, и ее подруга осеклась.

– Куда же мог деться Костя? – осторожно спросила я.

– Не знаю, – прошептала Нина Валентиновна, и ее глаза вновь наполнились слезами. – Он просто не вернулся с работы.

– Избегая преследования, люди скрываются у друзей, знакомых или дальних родственников, – гнула я свою линию.

– Так полиция в первую очередь прошерстила все контакты сына, – возмущенно ответила женщина. – И нигде его не нашла. Если бы сыночек... был жив, он бы обязательно вернулся к маме, не стал бы меня огорчать.

Я испытала острое чувство жалости и едва удержалась от соблазна выложить, как на духу, про встречу в аэропорту. Мира поспешила перевести разговор на другую тему, а я думала, под каким предлогом заявиться к Надежде Стрельцовой.

– Маша, ты же художник? – внезапно спросила Нина Валентиновна.

– Учусь пока, – скромно уточнила я.

– Нарисуй мне портрет Костеньки, а? Я заплачу, сколько скажешь.

– Без проблем, – легко согласилась я. – Можно ли поговорить с его женой? Если она тоже захочет, я напишу сразу два.

Глава 2

В понедельник я едва дождалась окончания занятий в универе и сразу же помчалась в Школу олимпийского резерва, где занималась Мира. Мы условились, что встретимся в пять часов и отправимся к Надежде вместе, но сестра все не выходила. Я облокотилась о металлические поручни пандуса, предназначенного для колясочников, пристроила папку с холстами на ступеньки, перевела дух, вынула из кармана телефон и поняла, что сеть здесь не ловит.

– Ой, девушка, какой у вас смешной портфель! – воскликнул крупный парень с лицом Ивасика-телесика и соломенно-желтыми волосами (Ивасик-телесик – герой одноименного советского мультфильма 1968 г. – прим.).

– Это папка, – сухо ответила я.

– А че она такая большая? – хлопая белесыми ресницами, продолжал удивляться студент.

– Потому что там холсты, – терпеливо пояснила я, понимая, что незнакомец умом не блещет.

– Ух ты ж! – восхитился он. – Я тоже хотел стать художником, но мамка запретила, говорит, что они мало зарабатывают.

– Зато спортсмены все миллионеры, – фыркнула я.

– Я поднимаю штангу в 112 кг, – похвастался «Ивасик».

– Поздравляю.

– Тебе нравятся ужастики? – внезапно сменил тему студент, резко перейдя на «ты».

– Нет.

– Жаль, – вздохнул он. – Сегодня в кинотеатре «Луч» премьера сезона: «Веселые кости». Это что-то типа «Техасской резни бензопилой».

– Фу! – скривилась я. – Какая мерзость!

– Тогда можно про любовь что-нибудь посмотреть, – воспрянул духом собеседник. – Тебе в десять удобно?

– Что?

– Ну, в кино пойти.

– Мне?

– Да.

– С тобой??

– Конечно!

– Ни за что! – выпалила я.

– Отстань от моей сестры, Васька! – приказала Мира, которая как раз вышла из парадной двери учебного заведения вместе с одноклассниками.

– Да я ниче не сделал, – обиделся незадачливый ухажер. – Только кино предложил посмотреть.

– Таньку пригласи, она обрадуется, – посоветовала Мирослава.

– Она дура, – презрительно поморщился Василий, очевидно считавший себя светочем разума. – Я ищу девушку воспитанную, со вкусом, чтоб маме понравилась.

Я махнула рукой, подхватила свою папку и вместе с сестрой зашагала к остановке. Везде свои чудачки. В нашем университете нет откровенных тупиц, никто не путает Гогена с Ван Гогом и футуризм с фовизмом, но парни щуплые, трусливые, неопрятные и страшненькие, манеры у них оставляют желать лучшего. Никто не кинется на помощь девушке, несущей тяжелую гипсовую голову Зевса или пытающейся сдвинуть экорше (экорше – учебное пособие, скульптура человека или животного без кожи, используется для наглядности при изучении мышц – прим.). А в спортивном училище преобладают «джентльмены с окраин», малообразованные молодые люди с хуторов или отдаленных сел, воспринимающие женщину, как человека второго сорта: хорошая хозяйка, жена, мать и не более. Что лучше? Лично мне не подходит ни то, ни другое, поэтому я пока не встретила свою любовь.

Надежда Стрельцова, как и мы, жила не в Новолесинске, а в селе, находившемся неподалеку. Только наше называлось Земляникино, а ее – Рябинино. Довезти до места мог лишь автобус №12, которого мы ждали не менее получаса. Два предыдущих были переполнены пассажирами и просто пронесли мимо.

– Хорошо, что тут полно фонарей, – заметила Мира, когда мы вышли. – Уже давно стемнело. Где дом под номером 70?

– Нина Валентиновна сказала, что мы сразу его заметим – настолько он красивый, но я пока ничего грандиозного не вижу.

– Я тоже. Давай спросим у местных.

Мы остановили пожилую женщину с коляской и быстро выяснили, что требовалось.

– Видите пруд? – спросила она. – От него направо крайнее здание.

– Спасибо! – поблагодарила Мира.

– Зачем вам Надька? – проявила любопытство тетка.

Любого коренного горожанина подобное поведение поставило бы в тупик или возмутило. В густонаселенных местах люди не привыкли отчитываться о своих планах первым встречным. Но мы выросли в селе, поэтому не стали возмущаться.

– Нужна, – коротко ответила я.

– Для чего? – не отставала прохожая.

– Для того, – в тон ей добавила Мира. – У вас ребенок мерзнет.

– У меня нет детей, – поджала губы местная мисс Марпл. – В коляске я вожу продукты – очень удобно. У Надьки никогда не было подруг, а тут сразу две, вот и удивляюсь.

Мы не стали продолжать разговор и пошли дальше, выслушав несколько замечаний по поводу нашего воспитания, молодого поколения в целом и прекрасных советских времен, когда девушки вели себя иначе и проявляли уважение к старшим. Разумеется, я опускаю парочку матов.

– Небось, местная алкоголичка, – пожалала плечами Мира. – Смотри, дом действительно приметный.

Мы рассмеялись. Стрельцовы жили в довольно просторном кирпичном коттедже с мансардой – таких полно. Удивляло другое: двор окружали сначала каменный забор с воротами, потом, с отступом в пару метров, ограда из сетки и, наконец, деревянный плетень. За всем этим скрывался хорошенький палисадник, украшенный садовыми гномами, самодельными лебедями из шин и божьими коровками из камней.

– Да тут прямо Бастилия, – сказала я. – Интересно, зачем прятать симпатичный цветник под уродливые нагромождения из дешевой проволоки и веток?

– Так и веет гостеприимством, – усмехнулась Мира и постучала в калитку.

На звук моментально отреагировали собаки, залившиеся злобным лаем. Судя по голосам, животные были крупными.

– Кто там? – не любезнее, чем псы, спросило хриплое меццо, принадлежавшее, без сомнения, хозяйке.

– Мария Ярополова, художник, ваша свекровь заверила, что вы меня ждете, – на одном дыхании выпалила я.

Створка со скрипом отъехала в сторону, и я увидела высокую, очень полную женщину в капри леопардовой расцветки и застиранном фиолетовом халате. Я удивилась. Даме на вид далеко за сорок, а Костику около тридцати пяти, неужели это его жена? Меня бы не смутила разница в возрасте, обладай избранница приятной внешностью и стройной фигурой. Имею парочку друзей, которые даже не смотрят на моло-

деньких – сохнут по ровесницам своих матерей. Но тут явно другой случай: женщина, брюнетка от природы, зачем-то перекрасила волосы в бело-желтый оттенок, и теперь ее смуглая кожа кажется грязной, а брови пугают чернотой. Близко посаженные глаза слегка прикрыты, как у коровы, неспешно пережевывающей траву на лугу, тонкая переносица заканчивается каплеобразным носом, а розовые щеки придают лицу форму квадрата, из которого выбивается только раздвоенный подбородок. Мощные плечи начинаются прямо от короткой шеи, большая грудь, слегка отвисшая, уютно лежит на выпирающем животе, собранном в складочки. Все это великолепие покоится на длинных колонноподобных ногах, не меняющих толщину ближе к голени.

– Надежда? – с легким сомнением спросила я.

– Да, – подтвердила дама и покосилась на Миру.

– Это моя сестра Мирослава, – представила я. – Вечером страшновато ездить одной, а днем у меня занятия.

– Входите, – более любезно предложила Стрельцова и даже улыбнулась, но приятнее от этого не стала.

Мы с опаской протиснулись мимо вольера, где разгуливали грейхаунд и черный терьер. Они кинулись к прутьям и угрожающе залаяли, стараясь достать нас.

– Ми-миленькие собачки, – прозаикалась я, прижимаясь спиной к стене дома и делая шаг вбок, что было непросто, поскольку на моем плече висела папка формата А0: широкая и плоская, с двумя холстами на подрамниках.

– Уроды, – отрезала Надежда. – Но очень дорого стоят, поэтому я продолжаю о них заботиться, хотя это приобретение мужа, он любил охоту. Чарли, терьер, воет по ночам, все надеется, что Костик вернется.

Мне стало жалко несчастных, лишившихся хозяина, псов. Да, оба выглядят устрашающе, да, оба с удовольствием разорвали бы нас в клочья, но они всего лишь животные – осиротевшие и беззащитные.

– Чай? Кофе? – засуетилась Стрельцова, едва мы оказались в просторной прихожей и начали разуваться.

– Чай, – не стала отказываться Мира. – На улице очень холодно, я почти не чувствую рук.

Нас проводили на кухню, отделанную в коричнево-зеленых тонах. Все сияло стерильной чистотой, словно сюда не заходили целый день: ни забытой в раковине кастрюльки, ни бумажечки возле вазочки с конфетами. Обстановка свидетельствовала о тотальном отсутствии вкуса у хозяйки: на красивом паркете лежали уродливые полосатые дорожки, хороший лакированный стол накрыт дешевой клеенкой с изображением фруктов и овощей, на керамических кружках отпечатаны фотографии членов семьи, причем, для этих целей использованы неудачные снимки в домашней одежде и с пестрым фоном.

– Нина Валентиновна хочет, чтобы я написала портрет ее сына, – перешла я сразу к делу. – Может быть, вы тоже желаете?

– Не «выкай» мне, это прямо смешно, – фыркнула Надя. – Мне всего лишь двадцать семь лет.

– Сколько?? – выпалила я, не поверив своим ушам.

– Да, знаю, все говорят, что я выгляжу моложе, – приосанилась Надежда, кокетливо запроваля жидкие пряди волос за ухо. – Тем не менее, почти тридцатник натикал. Конечно же, я тоже хочу картину, но с одним пожеланием: мы с Костиком будем нарисованы вместе.

– Пожалуйста, – кивнула я. – Никаких проблем. Давайте определимся с размерами и материалом. Еще я должна подобрать хорошее фото, где красивый ракурс и четко видно лица.

– Сейчас принесу, – вскочила Надя, вышла в коридор и заорала. – Чего шляешься по дому, садись за уроки! Из-за тебя больно ударилась, летишь прямо под ноги, дура!

Послышался визг и детский крик. В кухню прибежала толстенькая краснощекая девочка с наивным лицом семи-восемилетнего ребенка, но богатырского роста – чуть пониже меня и вровень с Мирой.

– Вы нарисуете папу, да? – радостно зачирикала она, мгновенно забыв о слезах.

– Да.

– И маму?

Я кивнула.

– А меня?

– Еще чего! – заявила Надя, снова появляясь в поле на-

шего зрения.

– Мне совсем не трудно включить ребенка в композицию, – заверила я.

– Нет! – сверкая глазами, возразила Стрельцова. – Только я и он! Я и он!! Вдвоем!

Глава 3

Я слегка опешила. У Надежды был такой странный, фанатичный взгляд, какого я никогда раньше не видела. Ну, разве что в фильмах про маньяков.

– Ходила за телефоном, – пояснила она. – Вот наши фотографии, выбирай.

Я полистала галерею. Совместных снимков за разные годы у семейной пары накопилось немного, и все выглядели одинаково: Надежда крепко прижималась к мужу и улыбалась, а Костик хмурился и даже не обнимал ее. Я сразу поняла, кто из них, согласно знаменитому выражению, целует, а кто подставляет щеку.

– Ну как, подходит? – спросила Стрельцова. – Мне нравится тот, где мы в саду, на скамейке.

– Да, замечательно, – одобрила я. – В какую рамочку оформим? Серебристое напыление? Дерево? Позолота?

– Лучше идемте в комнату, сами посмотрите на обои и мебель, посоветуете, что выбрать.

Я думала, что нас отведут в зал или гостиную, но мы оказались в спальне хозяйки. Наверное, гарнитур молодожены получили в подарок на свадьбу от человека, кое-что смыслившего в дизайне. Кровать, шкаф-купе, комод и тумбочки сделаны из дуба с сохранением текстуры и характерного цвета. Материал просто покрыли специальным лаком и не стали

уродовать краской или наклейками. Если бы не старый, абсолютно не подходящий к интерьеру ковер, помещение выглядело бы шикарно.

В нише между шифоньером и стеной висел кусок ватмана, приклеенный скотчем. Я присмотрелась и поняла, что это «доска визуализации». Знаете о таких? Некоторые люди составляют коллажи из разных картинок, иллюстрирующих их заветные желания, подписывают мотивирующими фразами, смотрят и ждут, что все сбудется. Существуют какие-то правила и хитрости: поле делят на разные тематические зоны, например, слева – «Любовь», справа – «Путешествия», в центре – «Работа». Но доска Надежды полностью посвящалась Косте. «Только мой!», «Вместе навсегда!», «Мы счастливы!» – вот и весь набор лозунгов. Ни слова о ребенке или карьере.

– Портрет будет здесь, над кроватью, – деловито сообщила Стрельцова.

– Тогда лучше темная рама под дерево, – резюмировала я.

– Скажи... – замялась хозяйка. – А правда, что картина несет мощный эмоциональный заряд и влияет на человека сильнее, чем фотография?

– Да, – опрометчиво сболтнула я. – Есть такие полотна: вроде бы милые, добрые или даже смешные, но от них становится плохо, болит голова, накатывает депрессия. Скорее всего, художник писал на заказ, согласно уговору, а сам думал о чем-то не очень хорошем. За некоторыми произведе-

ниями закрепились дурная слава: поумирали все их владельцы или сгорели музеи, где они хранились. Бывает и обратное явление. Мы с подружкой обменялись однажды своими работами, мне досталась картина, на которой счастливый гусенок гонится за бабочкой. Казалось бы: что тут особенного? Но мои дела резко пошли в гору, настроение улучшилось, ушли усталость и раздражение.

Надежда схватила меня за руку и горячо зашептала:

– Умоляю, сделай так, чтобы Костик меня полюбил!

Не знаю, что удивило сильнее: вера в мое всемогущество или постановка вопроса, но я остолбенела, а потом промямлила:

– Я думала, ты захочешь, чтобы он вернулся.

Надя опустила голову.

– Только не говори, что тебе известно, где он, а ты ни словом не обмолвилась свекрови! – резко сказала Мира.

– Нет, – грустно ответила она. – Но мне кажется, я догадываюсь. Вы же знали Костика, верно?

– Не слишком хорошо, – поразмыслив, ответила я. – У нас большая разница в возрасте. Когда он был школьником, то, по словам бабушки, часто гостил у них летом, приезжал на каникулы. Иногда мы виделись на семейных праздниках, но ты же сама понимаешь, какие толпы народу собираются на такие мероприятия. Тебя я вообще не помню, хотя ты наверняка приезжала с ним.

– Вы не торопитесь? – спросила Надежда. – Я могу рас-

сказать вам все по порядку.

– Мы совершенно свободны! – заверила я и уселась на пуфик.

История любви Константина и Надежды, как ни старалась ее воспеть последняя, оказалась банальна и проста. Оба учились в одной школе, но почти не пересекались: когда Дренько пошла в первый класс, Стрельцов уже закончил седьмой. Потом его забрали в армию, да не куда-нибудь, а в Чечню: на тот момент там еще ловили отдельные банды боевиков. Проводы проходили в похоронной атмосфере: слишком много ребят из Новолесинска и окрестностей погибло в обе антитеррористические кампании. Никого не удивило, что Костик, прослужив полтора года, получил тяжелое ранение и попал в госпиталь. Полная реабилитация заняла у него пару лет, особенно тяжело оказалось восстановить зрение и избавиться от жестоких мигреней. В конце концов, парень выздоровел и даже пришел на вечер встречи выпускников, где его приветствовали, как героя.

Наденька, у которой отношения с одноклассниками да и другими учениками складывались крайне плохо, не участвовала в концерте и наблюдала за всем происходящим из коридора. Стрельцов не был писанным красавцем, не обладал красноречием, не выпендривался, но не мог пожаловаться на отсутствие внимания со стороны женского пола. Что-то в нем находили и ценили. Но именно в тот вечер он пришел один, без спутницы. Девятиклассница Дренько смекну-

ла, что пора хватать быка за рога, и сразу помчалась к его дому. Она справедливо рассудила: после торжества и дискотеки Костю захватят приятели, ему будет совсем не до нее. Девушка затаилась на лавочке у соседей и стала ждать. Минуты текли, превращаясь в часы, стоял мороз, холод пронизывал до нитки, а объект обожания все не появлялся. Только в половине второго ко двору, тихо шурша шинами по гравию, подъехала машина.

Из автомобиля немедленно выпрыгнула девчонка в белой шубке и белых сапожках с пушистыми помпонами.

– Придунок! – крикнула она и быстро побежала по дороге. – Ревнивый козел!

– И не звони мне! – заорал в ответ Костик. – Не хочу тебя больше видеть!

Он в крайнем раздражении вышел на улицу, от души хлопнул дверью и пошел открывать ворота. Не испугавшись попасть под горячую руку, Надя храбро устремилась к нему и сказала:

– Привет!

– Привет, – буркнул Стрельцов. – Ты что здесь делаешь?

– Тебя жду.

Надо отдать должное Константину: он все понял и не стал задавать лишних вопросов. Роман развивался быстро, но странно. Надежда не получала букетов, признаний, не чувствовала особенного интереса к своей персоне, однако зачем обращать внимание на мелочи – все так живут. Она букваль-

но поселилась у жениха, ее родители, одобряя выбор дочери, смотрели на это сквозь пальцы. Разница в возрасте никого не смущала, ведь отношения вполне серьезные.

Дренько закончила школу, получила аттестат и аккуратно намекнула, что пора сыграть свадьбу. Такого же мнения придерживались ее отец, мать и Нина Валентиновна. Но Костик все медлил, пока невеста не сообщила радостную новость:

– Я беременна!

В ответ Стрельцов тяжело вздохнул и повел ее в ЗАГС – подавать заявление. От пышного торжества он категорически отказался, молодожена еле уговорили устроить семейные посиделки в узком кругу.

– Горько! – заорал новоиспеченный тесть, уже успевший основательно поддаться горячительного.

Надя повернулась к супругу, положила руки ему на плечи и зажмурилась. Костя замялся и сказал:

– Не могу. Я стесняюсь целоваться при всех.

Гости переглянулись.

– А-а-а! – решил устроить пьяный скандал отец невесты. – От моей дочки нос воротишь!

– Виктор, прекрати, – одернула его жена.

– Сама заткнись, Танька! – не утихал скандалист. – Я ему покажу, как нас позорить!

С этими словами Дренько-старший схватил со стола нож и кинулся на Костю, но тот одним ударом выбил лезвие из рук и отвесил родственнику оплеуху.

– Концерт окончен, – процедил он и ушел в дом.

Дальше потекла размеренная семейная жизнь. Стрельцов обожал свою работу, целыми днями пропадал на поле, сутками сидел за рулем комбайна. Старший агроном посоветовал Косте поскорее получить высшее образование, чтобы продвигаться по службе.

– Я школу кое-как на тройки закончил, – замахал руками Константин. – Куда там еще в институт идти. Надоело учиться.

– Дурачок, – рассмеялся начальник. – Никто тебя на лекции не зовет: плати за сессии и забирай зачетку. Ты участник боевых действий, у тебя есть право поступить куда угодно, место всегда найдется.

И Стрельцов внял его словам. На парах он ни разу не появился и, имея диплом вуза, с трудом писал без ошибок собственное имя. Но в поле ему равных не было, поэтому вначале он стал агрономом, а затем и директором. В семье появились деньги, они наконец-то перебрались в собственный дом, где Надя стала полноправной хозяйкой. Ничего необычного не происходило: муж зарабатывал, жена воспитывала Ирочку, ухаживала за садом и разводила цветы.

Но однажды все изменилось. Костя стал веселым, в его глазах появился странный блеск, он перестал замечать все вокруг и даже пел, принимая душ, чего раньше за ним не водилось. Надя насторожилась, но не обнаружила в телефоне супруга ничего подозрительного. В интернете он вообще

не разбирался, таскал с собой древнюю кнопочную трубку, за компьютером не сидел. Но не успела жена успокоиться, как учуяла исходящий от его рубашек аромат дорогих женских духов. Заводить откровенный разговор Надежда не решилась, потому что боялась услышать в ответ: «Да, я люблю другую, давай разведемся».

– А потом моего папашу угораздило умереть, – мрачно закончила она. – На месте нашли фонарик, принадлежавший Костику, и кастет с его отпечатками пальцев. Полиция собралась допросить мужа, но он не вернулся с работы. Я думаю, Костик просто удрал от меня к *ней*.

– А *она* кто? – осторожно спросила я, удивляясь, что Надежду вообще не волнует судьба отца.

– Александра Меркулова, – зло выплюнула Стрельцова и скривилась.

Мы с Мирой не удержались от смеха.

– Ты что-то путаешь, – сказала сестра. – Александра – очень известный человек, блогер, политолог, ее вся Россия знает! И не только. У нее три миллиона подписчиков в «Ютубе». Где она могла встретиться с твоим Костиком?

– Да в Рябинино, – хмыкнула Надя. – Она здесь живет, прямо на соседней улице, с другой стороны пруда.

Я изумилась. Меркулова – лидер общественного мнения, знаменитость. Она рассказывает о глобальной политике, поясняет, кому выгодны те или иные события, кто кого поддерживает, и к чему все это приведет. Ее канал «Нескучная гео-

политика» цитируется в СМИ и набирает бешеное количество просмотров. Александра растолковывает самые сложные вещи абсолютно доступным языком, ее приглашают на радио и телеканалы в качестве эксперта. Я знала, что она наша землячка, но думала, девушка давно обитает в Москве. Хотя, с другой стороны, сейчас, в век интернета, ехать в столицу, чтобы прославиться, вовсе необязательно.

Глава 4

– Послушай, – сказала я. – Ты говоришь фантастические вещи. Костик, насколько я понимаю, человек...э-э-э... аграрного труда, не слишком обремененный знаниями. Александра же – его полная противоположность. Трудно представить, что они полюбили друг друга. С чего ты это взяла?

– Он никогда не увлекался политикой – раз, – принялась загибать пальцы Надежда. – Не соображал, как включить ноутбук – два, не читал книги – три. И внезапно начал смотреть ее блоги в «Ютубе». Ни одного не пропускал. Она вещает про гражданскую войну в Судане, а он смотрит и улыбается. Ни хрена ведь не понимает! А однажды у меня образовался нарыв на пальце, пришлось ехать в больницу, вскрывать его, было очень больно, я заплакала, и тут Костик выдал: «Как написано на перстне царя Соломона: «Все проходит, и это пройдет». Я прямо растерялась: не знаю, кто такой Соломон, а уж муж и подавно, у меня по истории четверка, а у него – тройка.

Я вынула из кармана носовой платок и сделала вид, что кашляю. Невозможно не смеяться, слушая подобное.

– Ей точно известно, где мой Костик, – без тени сомнения заявила Надя. – Он ушел, не взяв с собой никаких вещей, деньги с карты не снимал – как можно продержаться три года в таком случае? Кто-то ведь помог ему.

– Н-да, – протянула я. – Ты хорошо помнишь тот день?

– Никогда не забуду! Ночью пропал отец. К утру мама его хватилась и позвонила участковому, к счастью, мы знали, где планировалась рыбалка. Увидели пустую машину, брошенную хватку и садок с рыбой. Приехала бригада спасателей, полиция, эксперты. К обеду нашли тело, а к вечеру заявили, что это, скорее всего, убийство. Хотели поговорить с Костей, но он не вернулся домой. В конторе сказали, что он вышел в шесть часов из здания. Все, больше его не видели.

– А какая одежда на нем была? – не отставала я, припоминая, в чем видела его у аэропорта. – Серое пальто до середины бедра в смешанном стиле: на первый взгляд классика, но добавлен капюшон, как на спортивных куртках? Белая водолазка, синие джинсы, ботинки на шнуровке, напоминающие берцы?

– Ничего подобного, – помотала головой Надя. – Он оделся в костюм «Горка» такого коричневого цвета из палаточной ткани – день был прохладный, ветреный. А на ногах – берцы, тут угадала.

– Какой, однако же, странный выбор для поездки на работу, – заметила Мира.

– Почему? – удивилась Стрельцова. – Обычный. Костик не сидел в офисе день деньской: он выезжал на поля, следил за работой завода. Что ж ему, в галстуке и белой рубашке рассекать? Кроме того, на его размер практически ничего нет, поэтому он всегда одевается в магазинах, где выпус-

кают спецодежду для военных и полиции – там даже слона способны нарядить.

– Что еще у него было с собой? – спросила сестра.

– Сотовый, паспорт, немного наличных, – перечислила Надежда. – Банковская карточка. Но все это лежало в его машине, он бросил ее на стоянке под конторой.

– Похоже на похищение, – сказала я и получила предупреждающий тычок в спину от Миры.

– А я о чем! – с жаром поддержала Надя. – Эта Александра его украла и прячет.

– Полиция бы нашла, – возвала я к здравому смыслу.

– Ха! Дело вел следователь Изранов – молодой парень, и сразу видно, что бабник, небось, она ему глазки построила, он и растаял, ничего не проверил, как следует.

– Ма, я есть хочу! – захныкала Ирочка, распахивая дверь спальни. – Ты скоро?

– Хватит жрать, и так жирная! – рявкнула любезная мамаша.

– Нам пора, – Мира оценила обстановку и тут же поднялась с места. – Уже очень поздно.

– Через две недели получите заказ, – заверила я и тоже зашагала на выход.

– Отлично! – улыбнулась Надежда. – Я вас провожу, чтоб собаки не кинулись. Вольер тщательно заперт, но лучше подстраховаться.

Мы оделись и шмыгнули за двор мимо лаявших зверюг.

– У тебя шикарный палисадник, зачем прятать его за кучей заборов? – я не удержалась от любопытства.

– Соседи так и норовят тут пошастать, на лавочке посидеть. Меня это бесит! – отрубил Стрельцова. – Ненавижу.

Мы попрощались и направились к остановке.

– Надеюсь, автобусы еще ходят, – простонала я, клацая зубами. – Пора открывать детективное агентство и брать деньги за расследования. По крайней мере, сможем кататься на такси.

– Размечталась, – фыркнула Мира. – Никто не даст нам лицензию. Нужно довольствоваться малым, как учили стоики. Мы помогли Авроре Эфе и получили за это отдых в США, спасли рэпера Локсту, и он подарил тебе алмаз. (Стоики – приверженцы философского направления, согласно которому человек должен проявлять твердость и мужество, сталкиваясь с жизненными испытаниями – прим.).

– Угу, – отозвалась я. – Теперь, вот, еще придется портреты писать.

– Так тебе же заплатят, – напомнила сестра. – Не ной, когда еще выпадет возможность подзаработать? О, а вот и двенадцатый едет!

Кое-как мы впихнулись в забитый до отказа автобус. Сесть не удалось, но я была рада уже тому, что вообще почастливилось уехать. Если потратить двести рублей на такси, то мы не уложимся в рассчитанный родителями бюджет.

Чтобы не вставать каждый день ни свет, ни заря, торопясь

на занятия, и не возвращаться домой поздно ночью, мы с Мирой снимаем квартиру в Новолесинске, а в Земляникино наведываемся по выходным. Мой университет и училище сестры находятся в «старом квартале» – самом центре города, где сплошь стоят частные дома и здания, выстроенные еще до революции. Наше временное пристанище – это крохотная однокомнатная хатка, но с более-менее приличным ремонтом, канализацией, водопроводом и интернетом. Хозяйка, к моему огромному счастью, обитает не с нами, а где-то в Сочи, на берегу моря. Словом, все устроилось как нельзя лучше, но мама недовольна. Она постоянно переживает, что к нам влезут грабители или забредет какой-нибудь маньяк. Бесполезно объяснять ей: забор высокий, с острыми шпильями вверху, калитка запирается, двери мы открытыми не бросаем, а окна на ночь закрываем специальными ставнями. Да и квартал студенческий, бедный, красть тут нечего.

Однако сегодня у нашей хатки топтался какой-то подозрительный субъект в пальто с поднятым воротником, вязаной шапке, надвинутой на самые брови и с черным пакетом в руке. Он ходил туда-сюда и что-то высматривал: наверное, искал щель в заборе.

– Стой! – шепотом приказала мне Мира.

Мы замерли, спрятавшись за угол магазина подарков, и оттуда понаблюдали за незнакомцем. Он и не думал уходить: огляделся, поплевал на ладони и попробовал уцепиться за чугунные прутья, но сполз по ним в ту же секунду. Затем

сменил тактику, присел на корточки, сообразил, что под низом тоже не пролезет, вытащил из кармана пилочку для ногтей и принялся ковырять ею замок.

Мира молниеносно подскочила к нему, хлопнула по плечу и встретила мощным ударом в лицо. Моя сестра – профессиональный боксер, сами понимаете, какая страшная сила таится в ее руках. Тип рухнул на землю, не издав ни звука. Я подбежала к ней и вскрикнула:

– Господи, да это же Гриша! Ты его убила?

– Не вопи, – приказала Мирослава. – Не то сюда вся улица примчится. Отопри калитку, давай быстренько втащим его к нам.

Мы схватили субтильное на вид, но, тем не менее, ужасно тяжелое тело и поволокли в дом, уронив по пути раз десять. Хорошо, что в этот промозглый вечер соседи предпочли не высовываться из теплых квартир, и нас никто не видел.

– Надо его водичкой полить, – озабоченно сказала я. – Холодненькой.

– Лучше лед приложить, я сейчас достану, – засуетилась Мира.

– Не-не-не надо, – едва слышно прошелестел Гриша и застонал. – Черт, Мирка, ты ополоумела? Нос сломала. Кровь, вон, хлещет. И башка гудит, не могу мысли в кучу собрать. И тошнит.

– Сам виноват, – огрызнулась Мирослава. – Чего полез на забор, а потом еще пытался замок вскрыть? Я приняла тебя

за вора.

– Не дожدهшься от тебя сочувствия, – вздохнул Гриша, морщась от боли. – Между прочим, я вам сто раз звонил, но никто трубку не взял. Что ж мне, на улице мерзнуть?

Его физиономия отекала, налилась краснотой, а глаза превратились в щелочки. Из носа действительно стекали красные струйки.

– Может, «скорую» вызвать? – робко предложила я.

– И что скажем? Дорогой доктор, меня ушатила двоюродная сестра? Нет уж, потерплю.

– Сейчас заболит, и температура поднимется, – предупредила я. – Нельзя так оставлять.

– Схожу к соседям, Колька как раз медицинский заканчивает, вот и пусть практикуется, – ответила Мира, исчезая за дверью.

Не прошло и трех минут, как у нас на кухне стал хозяйничать Николаша, командую:

– Воду давайте! Ищите бинт! Тащите спирт!

Он тщательно вымыл руки, осмотрел Гришу, покачал головой, вытер кровь, намазал лицо брата какой-то мазью, сделал ему укол и вынес вердикт:

– Все нормально, нос не сломан просто чудом. Вколол обезболивающее, если есть капуста, отрывайте по листочку в час и прикладывайте. Кто ж его так отделал?

– Я, – мрачно ответила Мира. – Нечаянно ударила.

– Охренеть! – подскочил Николай. – Чем? Палкой что ли?

– Рукой. Правой. Точнее, кулаком.

– Ну, е-мое, – присвистнул студент-медик. – Прямо, как в кино. Ладно, если ему хуже станет, зовите. Вроде бы сотрясения мозга нет, но это трудно определить вот так, на глаз.

Мы от всей души поблагодарили соседа и вернулись к Грише. Кажется, он чувствовал себя вполне бодро, наверное, подействовал анальгетик.

– Я вам торт принес, – голосом умирающего сказал он. – В черном пакете. Думал, чаю попьем. Меня Ольга выгнала.

– За что? – изумилась я.

– Распсиховалась, что постоянно пропадаю на работе. Говорит, надоело одной проводить вечера дома, телевизор смотреть. А у меня, как назло, полно дел в лабораториях: два загадочных отравления, тестирование нового крысиного яда и химикатов для полей, еще через две недели научная встреча в Новосибирске. Не могу же я все отменить и сидеть на диване с Ольгой, закутавшись в плед. Хорошо, что я не додумался на ней жениться!

– Торт немного помялся, но съесть можно! – радостно крикнула из кухни Мира. – Машка, это твоя любимая «Пьяная вишня» с шоколадом! Я ставлю чайник.

– А в меня, наверно, ничего не пролезет, – снова заныл брат. – Когда я широко раскрываю рот, становится ужасно больно. Вот как я завтра в лабораторию пойду? Менты меня оборжут. Я их теперь тоже консультирую по всяким отравам, когда местные эксперты заходят в тупик.

– Послушай-ка, – задумчиво произнесла Мира, возвращаясь в комнату. – Ты-то нам и нужен.

– Неужели, – съехидничал Гриша. – Мне показалось, ты хотела меня уकोшить.

– Ну все, будешь теперь вспоминать об этом до смерти, – закатила глаза сестра. – Короче, нам надо поговорить со следователем Израновым. Он вел и, вполне возможно, до сих пор ведет дело об убийстве некоего Виктора Дренько. Три года назад пропал подозреваемый – Константин Стрельцов. Сумеешь устроить встречу с представителем закона?

Глава 5

Гриша Ярополов – старший сын нашего родного дяди Вани. Ему двадцать четыре года, но он уже успел зарекомендовать себя как подающий надежды токсиколог и микробиолог. Хотя начиналось все не очень радужно.

Дядюшка Иван Матвеевич мечтал разбогатеть и посвящал заработку очень много времени. Не сидела, сложа руки, и его супруга Галина. Маленький Гриша постоянно находился на попечении бабушек, тетюшек и прочей родни. А когда мальчику исполнилось шестнадцать, у него появилась сестричка. Мать немедленно бросила работу и осела дома, отец стал внимательным и ласковым, начал проводить выходные с детьми, а не в погоне за очередным клиентом. Из этого Гриша сделал вывод, что малышку любят больше, чем его, и начал безобразничать по-крупному. Он шатался по улицам в компании каких-то забулдыг, пил, иногда накуривался, попадал в передраги и стал постоянным посетителем «обезьянника». Родители были вынуждены бегать за ним и спасать от последствий.

– Тебе нужно учиться! – восклицала тетя Галя, рыдая. – Выпускной класс, ты никуда не поступишь!

– Батя впихнет куда-нибудь, – ухмылялся сыночек. – Это нужно в первую очередь ему, чтоб хвалиться перед всеми, какая у нас расчудесная семья. Отправит в лучшем виде в

Испанию или Францию, где учатся отпрыски ваших друзей.

И он был абсолютно прав: дядя не смог бы пристроить своего ребенка в ПТУ, чтоб тот поумнел и хлебнул настоящей жизни. Ситуация зашла в тупик. Испробовав разные методы воздействия, Иван Матвеевич позвонил знакомому психологу и проконсультировался с ним. Специалист сказал:

– Без желания мальчика я не смогу с ним работать – никакого толку не выйдет.

– Но он сопьется! – ужаснулся дядя. – Что делать? Тащить его к наркологу? Там такая же история: никто ему не поможет.

– Уговаривайте, – посоветовал приятель и добавил. – Судя по всему, в детстве вы уделяли Грише слишком мало внимания. Теперь ему хочется гиперопеки, чтоб только о нем и думали двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Стоит вам отвлечься на что-то еще, как он выкидывает очередной фортель.

Дядя передал содержание беседы своему отцу (моему дедушке) Матвею Николаевичу, а тот нежданно-негаданно нашел поистине оригинальный выход из положения. Когда доведенные до нервного срыва Иван и Галина приехали к нам и принялись в очередной раз жаловаться на сына, дедушка спокойно сказал:

– Я нашел для Гриши университет.

– Папа, – простонал дядюшка. – Бесполезно, как ты не понимаешь? Не будет он учиться! Наломает дров и влезет в

неприятности. За ним нужен глаз да глаз. Есть всякие закрытые колледжи в Англии и Швейцарии специально для таких товарищей, но ведь контингент сплошь состоит из гришиных однодумцев! Он наберется там таких идей, что потом загорит на зону.

– Я это учел, – кивнул Матвей Николаевич и развернул свой ноутбук экраном к публике. – Посмотрите, международный химико-микробиологический институт имени Ким Ир Сена объявляет набор абитуриентов.

Все притихли и уставились на главную страницу сайта вуза. С дисплея улыбались счастливые студенты преимущественно азиатской наружности.

– Имени кого? – испуганно переспросила тетя Галя.

– Ким Ир Сена, – хихикнул мой папа. – Это в Северной Корее.

– Вы с ума сошли, Матвей Николаевич! – возмутилась она. – Вместо того, чтоб высказать здравую мысль, предлагаете выслать моего ребенка на верную смерть в страну оголтелого коммунизма! Да его расстреляют в первый же день! Отправят на рудники!

– А тут он допьется до смерти, – парировал дедушка. – Вы ж говорите, что он хочет обратить на себя внимание? Там внимания будет в избытке, вот, почитайте.

Так как остальным нужно было искать очки, я сама села поближе к ноутбуку и продекламировала вслух корявый перевод с корейского:

– «Мы позаботимся о вашем ребенке, как родные мать и отец. Он будет окружен теплом и вниманием. В институте, кроме основной образовательной программы, работает система внеклассных занятий: кружки пения, живописи, литературные чтения, спортивные секции. У каждого студента есть свой наставник: он приучит его к труду и самостоятельности. Вы можете без опаски доверить нам вашего сына или дочь – уверяем, мы присмотрим за ними».

– Почему-то этим ребятам я верю больше, чем педагогам из швейцарского колледжа, – еле сдерживая смех, заявил папа.

Мы посмотрели фотографии и убедились, что институт выглядит вполне презентабельно, общежития отремонтированы и обставлены простой, но удобной мебелью, на территории расположен большой парк и бассейн.

Но окончательно решил дело Гриша, который тем же вечером напился до такой степени, что его еле откачали. Через месяц дядя Ваня сказал ему:

– Ты способный мальчик, учился, несмотря ни на что, почти без четверок, поэтому отправишься в корейский вуз. Вот твой билет и виза.

Братец не слишком хорошо разобрался в политике, географии и истории, а потому подумал, что его посылают на родину «Самсунга», в Южную Корею, безмерно обрадовался, купил новых шмоток и отбыл в аэропорт. Уж не знаю, что он испытал, когда оказался в КНДР. Родителям он зво-

нил нечасто, и каждый раз в период долгого затишья тетя Галя корила себя за то, что позволила провести эксперимент над обожаемым сыном. Она твердила, что никогда его больше не увидит и предрекала ему скорую гибель на рисовых полях.

Но через пять лет Гриша вернулся домой абсолютно другим человеком. Во-первых, даже не смотрел на спиртное, во-вторых, говорил вежливо и спокойно, в-третьих, каждое утро делал зарядку и обливался холодной водой, в-четвертых, стал убирать свою комнату и аккуратно складывать вещи, в-пятых, выучил три языка. Но самое главное – он нашел себя в профессии. Корейский институт выпустил непревзойденного специалиста, разбирающегося в ядах и бактериях, как сомелье в дорогих винах.

– Конечно же, я устрою вам встречу с Израновым, – пообещал Гриша. – Но предупреждаю: Игорь – жуткий бабник. Обязательно начнет клеиться и приглашать на свидание. Только не вздумай треснуть его кулаком, Мирка, он все-таки при исполнении.

Поболтав немного, мы уложили Гришу на диван в кухне, и сами тоже пошли спать. Но не успела я смежить веки, как позвонила мама.

– Твой попугай отказывается от еды, – с беспокойством в голосе сказала она. – Я насыпала ему корм, но Алекс отворачивается и все время талдычит: «мансана верде». Это что такое? Он заболел?

– Порезь ему зеленое яблоко, – устало ответила я.

Алекса я привезла из Америки. Прежний хозяин говорил с ним по-испански, и птица изъясняется именно на этом языке, поэтому они с мамой часто не находят взаимопонимания.

– Ой, я тебя разбудила!

– Нет, я только начала дремать.

– Извини, доченька, спокойной ночи. А, нет, подожди, Гриша у вас? Ольга вне себя: трезвонит нам каждые десять минут.

– Она же сама его выгнала, – зевнула я. – Чего теперь людям мозг выносить?

– Волнуется, – сочувственно пояснила мама. – Он запихнул ее номер в «черный список». Скажу ей, пусть тебе позвонит.

– Нет уж, пусть наберет Миру, – злорадно посоветовала я, пожелала спокойной ночи и выключила звук.

Через несколько секунд запел телефон сестры. Ну что ж, «Безумству храбрых поем мы песню...» – либо Ольга настолько опасается за Гришу, либо она настырная дура, раз рискнула побеспокоить Мирославу в полночь. Скорее второе, ибо дамочка уже в курсе, что ее возлюбленный у нас, и его жизни ничто не угрожает. («Безумству храбрых поем мы песню...» – фраза из произведения М. Горького «Песня о Соколе» – прим.)

– Да, – пробубнила Мира, хватая телефон. – Чего надо? Спит он, и я, между прочим, тоже. Что?? Ложись в кровать,

убогая, ночь на дворе. Попробуй только, я тебе покажу, как истерики закатывать! Сюда приедешь? Давай, поспеши, получишь по ...! И еще по ...!

Эх, умеет сестра быть убедительной. Я бы до утра слушала жалобы Ольги, утешала, мямлила и оправдывалась. В конечном итоге, меня бы назначили виноватой в ссоре, возненавидели бы и прекратили общение. Я зевнула, завернулась в теплое одеяло и уснула.

Утро началось, как всегда, с вопля Мирославы:

– Подъем! Хватит дрыхнуть, семь часов!

Я кое-как сползла с кровати и пошлепала в ванную. Как типичному представителю племени сов, мне трудно просыпаться в такую рань. До обеда мозг пребывает в спячке, и я совершенно не понимаю, почему все утверждают, что это самое продуктивное время. Лично у меня оно длится с 12 дня до 3 часов ночи.

– Тебе кашу или бутерброд? – крикнула сестра из кухни.

– Не знаю, – промычала я в ответ. – Наверное, выпью только чай.

Душ слегка взбудрил, и я вышла уже более свежей и сообразительной. Гриша сосредоточенно намазывал маслом кусочек хлеба. Его лицо приобрело синевато-фиолетовый оттенок, щеки достигли уровня переносицы и слились с ней, а глаза еле выглядывали из-под век, как у сытого хомяка.

– Больно? – сочувственно спросила я.

– Жить можно, – оптимистично заявил брат.

– Колька прибежал с утра, вкатил новую порцию анальгетика и намазал мазью от отеков, – пояснила Мира.

– Только теперь даже не знаю, как поступить с работой, – вздохнул родственник. – Чтоб взять больничный, нужно идти в поликлинику, а там живо сообразят, что я не о дверь стукнулся, и пристанут с расспросами. Сейчас позвоню в лабораторию, скажу, что маюсь расстройством желудка.

Я быстро съела тарелку овсянки, залила ее горячим чаем, оделась, накрасилась, схватила папку и помчалась в институт. До начала первой пары оставалось три минуты, когда я спешно сдала пальто в гардероб и помчалась по коридору, приглаживая на ходу волосы.

– Ярополова, куда несешься? – удивленно спросил декан, выглядывая из-под очков.

– На живопись, – ответила я, не сбавляя скорости. – Здравствуйте, Витольд Борисович.

– Стой, у вас с сегодняшнего дня музейная практика. Вчера же куратор говорил, чем вы слушали? Сначала Алиса пришла, теперь ты.

– О, не-е-ет! – простонала я и привалилась к стене.

У нас в ходу два вида практики: музейная и пленэр. Последний – сплошное удовольствие: две недели никаких занятий, можно встать к полудню, часам к двум прибыть в парк или кафе, порисовать со всей группой, что под руку попадет, и вернуться домой. А в музее изобразительных искусств с девяти до пяти нас нещадно эксплуатирует местная дирек-

триса. Целый месяц мы заполняем карточки с описанием экспонатов, верстаем каталоги, формируем экспозиции, делаем афиши для выставок и проводим экскурсии.

– Давай-давай, – подбодрил декан. – Через неделю Гойю привезут, нужно все подготовить.

Я уныло поплелась на остановку. Ну вот, теперь придется тащиться через весь город в храм искусства, а ведь мы с Мирой собирались нанести визит Александре Меркуловой.

Глава 6

Я позвонила сестре, надеясь, что в данный момент она не скачет по рингу, бросив телефон в раздевалке. К счастью, она ответила.

– Мира, у нас музейная практика, теперь мне придется до вечера торчать на улице Пушкина, домой доберусь не раньше шести.

– Ну вот и прекрасно, – не расстроилась она. – Съездишь к блогерше сама: тебе удобнее поймать там маршрутку. А я побеседую с Израновым – сэкономим время.

– Ни за что! – запротестовала я. – Боюсь ее.

– Кого?

– Александру. Она такая высокомерная, да еще и знаменитость! Пошлет меня лесом.

– Ладно, – вздохнула Мира. – Сама к пяти подъеду к твоему музею, жди меня там.

Я повеселела. Меркулову мне довелось видеть лишь в «Ютубе» на экране ноутбука или смартфона. Она с легкостью разоблачала тайные намерения сильных мира сего и смеялась над ними. Выражение ее лица почти всегда сохраняло глубочайшее презрение. А я не переношу, когда со мной говорят свысока. Если Мирослава будет рядом, это придаст мне уверенности.

– Опаздываем? – недовольно спросила жирная директри-

са музея, когда я, сломя голову, летела по дорожке к служебному входу.

С Софией Ивановной Смирновой студенты предпочитали не ссориться. Она возглавляла учреждение много лет, чувствовала себя великолепно и покидать пост не собиралась. Каждый художник понимал: если нахамит противной тетке, то она не выставит его картины, помешает вступить в творческий союз и не пожелает выдать хоть какую-нибудь рецензию. Но мне на все это искренне плевать: я не собираюсь писать полотна, вижу себя в мультипликации, коммерческой иллюстрации и игровой графике, поэтому не завишу от Смирновой.

– Как видите, – улыбнулась я.

– А почему? – не отставала зануда.

– Автобус долго не приходил.

– Ну ладно, – смилостивилась дама и тряхнула редкими волосами. – Найди Наталью Юрьевну, она расскажет, что делать.

Меня усадили составлять анонс для предстоящей выставки. Я написала его за пятнадцать минут, но сделала вид, что долго раздумываю над строками, как это обычно случалось у штатных сотрудников музея. Здесь все были неудавшимися творцами, непризнанными гениями и мнили себя великими критиками. Они лучше самого автора знали, какую мысль и какими средствами он передал в той или иной работе. Вид студентов, которые только начинали жить, строили планы и

подавали большие надежды, вызывал у искусствоведов нервную почесуху.

– Пошли, покурим, – предложила одноклассница Алиса. – У тебя что?

– Анонс, – скривилась я.

– А у меня афиша.

Мы вышли на улицу, сели на лавочку, вытащили пачки, украшенные жуткими фотографиями погибших от вредной привычки, и закурили. Во время учебы меня всегда тянет к сигаретам со страшной силой: то ли обстановка такая, то ли в организме что-то происходит, но табачный дым кажется самым вкусным на свете.

– Жабы, – выплюнула Алиса. – Только и умеют, что годами паразитировать на чужом творчестве и получать за это зарплату. Сами ни на что не способны. Прикинь, Сонька стоит за спиной и талдычит: «Сдвиньте текст влево. Нет, чуть вправо». Дизайнер, блин. Сами вечно жуть печатают, смотреть противно.

Я усмехнулась. Алиса прекрасно рисует, по большому счету ей не нужны ни преподаватели, ни пары – только диплом. Придираться к такому человеку и советовать ему, как лучше сделать афишу – очень глупо. Я посмотрела в сторону. Напротив музея находилось отделение полиции. Перед входом толпились сотрудники и тоже курили. Какая-то девушка с покрасневшимся лицом подбежала к ним и крикнула:

– Игорь!

Среднего роста брюнет в кашемировом свитере вздрогнул и обернулся. Девушка злобно уставилась на него.

– Катя? – осторожно спросил мент, но тут же понял, что ошибся, и исправился. – Настя!

– Нет! – еще больше разозлилась незнакомка.

– Лена, – выдвинул следующую версию Игорь.

– Ты даже не помнишь, как меня зовут! – разревелась девчонка и принялась судорожно всхлипывать. – А ведь мы прожили вместе целых три недели и расстались только в прошлую субботу.

– Э-э-э, – промямлил полицейский. – Э-э-э.

– Урод, – констатировала девушка, вlepила бывшему возлюбленному звонкую оплеуху и убежала.

Коллеги парня расхохотались в голос.

– Во дает, – прыснула Алиса. – За несколько дней забыл, с кем встречался. И что только в нем находят? По-моему, не красавец, ему бы роста прибавить, был бы гораздо лучше.

– И лицо какое-то круглое, – поддакнула я.

Мы посидели еще пару минут и разошлись по своим местам. До пяти я, никем не потревоженная, сидела над анонсом, потихоньку играя на смартфоне в «Дивный сад». К концу рабочего дня опубликовала текст на сайте музея и с легким сердцем поспешила восвояси.

Мира уже ждала меня на остановке.

– Как день прошел? – довольно весело спросила она.

– Сидела когда-нибудь в серпентарии с гадюками? Ну, вот

я примерно так себя чувствую.

– Ты там не навсегда, – махнула рукой Мира. – А вот они навечно. Поэтому повод переживать есть не у тебя, а у них. О, смотри, двенадцатый! Как он быстро сюда подъехал!

До Рябиного мы добрались буквально за пятнадцать минут. И снова нам пришлось спрашивать дорогу у местных жителей, так как мы не знали точно, где обитает Александра Меркулова. К счастью, на этот раз проводником оказалась не вредная бабка, а стайка подростков – они любезно проводили нас прямо до нужной калитки.

Домик блогерши был на удивление маленьким, хоть и с мансардой, зато двор – просто гигантским, и окружал его неприступный забор, выложенный из невероятных цветных камней. Я вдруг подумала, что Меркулову, наверное, частенько навещают подписчики, поклонники и разная публика, поэтому она может просто послать нас подальше. Тем не менее, мы позвонили и услышали знакомый голос:

– Да?

– Здравствуйте, – затараторила я с максимальной скоростью. – Меня зовут Мария Ярополова, а со мной еще моя сестра Мирослава. Мы пришли, чтобы поговорить о Косте Стрельцове. Он наш родственник, точнее, не совсем, то есть, совсем нет, он сын бабушкиной подруги, но...

Мира закатила глаза и хлопнула себя по лбу. Я растерялась, но в ту же секунду услышала:

– Входите.

Калитка сама собой распахнулась, и мы оказались на бескрайней зеленой лужайке, испещренной дорожками. Видимо, хозяйка не слишком любила цветы, зато обожала фруктовые деревья, и высадила на участке целый сад. Пока что он выглядел не слишком привлекательно из-за времени года, зато трава на газонах совсем не пожухла. По ней с радостным визгом носился корги Хосе Марти: Александра иногда показывала его широкой публике, поэтому я сразу узнала песика.

Обожаю животных: у меня живут, как вы уже знаете, такса Василиса, попугай Алекс, а еще кошки Пуся и Дуся. Корги же будто специально созданы природой, чтобы у людей замирало сердце от умиления: коротенькие смешные лапки, бархатные ушки, задорные мордочки и мягкая шерстка приятного окраса. Конечно же, я не удержалась и позвала:

– Хосе Марти!

Собачка приветливо помахала хвостом и подбежала к нам. Я осторожно погладила его, потом подхватила на руки и чмокнула в пахнущую чем-то мятным мордочку. Надеюсь, хозяйка не разозлится, что я трогаю ее питомца.

– Любите собак? – спросила Александра, открывая нам двери в дом.

– Очень, – признались хором мы с Мирой.

Девушка слегка улыбнулась. Она была высокой, худощавой, но держалась прямо, не горбилась. Вытянутое лицо украшали большие карие глаза с неестественно огромными ресницами – наверняка нарастила в салоне. Капризно выпя-

ченные губы, скорее всего, тоже являлись результатом усилий косметолога – слишком уж они пухлые. Белокурые волосы явно покрасили в салоне, сделав красивый переход от темных корней к светлым кончикам. Руки девушки преступали идеальные пропорции и доходили не до середины бедра, а чуть ниже. Тонкими длинными пальцами можно было играть на пианино, фортепиано или рояле, не испытывая никаких неудобств.

От Меркуловой пахло давно забытыми духами «Кашарель» – «Амог Амог». Заметив, что я потянула носом воздух, девушка просто пояснила:

– Парфюм начала двухтысячных. Старый аромат, но лучший, и связан с прекрасными воспоминаниями.

– Сама признаю только «Ультрафиолет» от Пако Рабана, хотя он вышел за год до моего рождения, – усмехнулась я.

Мира, которая предпочитала туалетной воде легкие спреи для тела с ненавязчивыми древесными запахами, промолчала.

– Что привело ко мне знаменитых Марию и Мирославу? – подняла безукоризненно выщипанную бровь хозяйка.

– Знаменитых? – переспросила я в недоумении. – Чем?

– Ну это же вы фигурировали в том деле об убийстве американской знаменитости? Весь интернет был забит статьями о вас.

– Н-да-а, – протянула Мира. – Слава пришла, откуда не ждали.

– Не сердитесь, ладно? – сразу предупредила я и выпала. – Надежда Стрельцова утверждает, что вы... э-э-э... встречались с ее мужем. Знаю, звучит странно и, может быть, даже оскорбительно, но мы обязаны спросить.

Александра несколько секунд пристально разглядывала нас, а потом медленно ответила:

– Это правда. Он мертв?

– Вы только не волнуйтесь, – закудаhtала я. – Дело в том... ну...

– Да не тяните же! – прикрикнула Меркулова. – Говорите, Бога ради!

– Я видела Костю в аэропорту две недели назад, – выпала я и зажмурилась.

Александра прижала руку к груди и села на пуфик в прихожей.

– Ошибка практически исключена, – поспешила заверить я. – Очень хорошо знаю его в лицо. Он тоже сообразил, кто перед ним, и убежал.

Блогерша отмерла, подскочила и в крайнем оживлении воскликнула:

– Что же мы стоим? Давайте выпьем кофе! У меня чудесные пирожные, корзиночки с кремом, свежие, только купила в кондитерской. Господи, неужели вы не шутите?

Я отметила, что Александру наше известие о любовнице не просто обрадовало, а повергло в состояние, близкое к эйфории. Она разом забыла про надменный тон, глаза за-

светились, а губы разъехались в самой лучезарной улыбке. Нас проводили на уютную кухню в сочных оранжево-стальных тонах и предложили восхитительный капучино. Даже я с удовольствием прилебывала напиток с густой ровной пенкой и рассказывала во всех подробностях про случай у такси.

Глава 7

– Мы пока ничего не сообщили ни его матери, ни жене, – резюмировала Мира. – Решили вначале выяснить, что происходит.

– Понимаю, – кивнула Меркулова. – Надежда, небось, продолжает думать, что Костик у меня?

– Да, – не стала скрывать сестра. – Вам действительно неизвестно, где он?

– Нет, – категорично заявила Александра. – Я чуть с ума не сошла, думала, его убили или похитили. Сейчас объясню все с самого начала.

Саша родилась в семье врачей, преданных своему делу. Когда она была совсем крошечной, их стали отправлять в командировки от «Красного креста» по самым бедным странам. Они побывали в Гватемале, где половина населения никогда не видела градусника и таблеток, Боливии, Никарагуа, Венесуэле, Южном Судане, Демократической Республике Конго. Лишь когда Саше исполнилось семь лет, ее вернули в Новолесинск и оставили на попечение бабушки, чтобы ребенок мог спокойно ходить в школу. Старушка сама в силу возраста нуждалась в уходе, поэтому девочка рано поняла, что нянчить ее некому. Она бегала в магазин за продуктами, убирала квартиру, готовила супы и каши, умела пришивать пуговицы и стирать белье в старой активаторной ма-

шинке. Александра не боялась темноты, одиночества, никогда не плакала – у нее был железный характер.

В семнадцать лет она без проблем поступила в гуманитарный институт на факультет философии и получила диплом политолога. Профессия не слишком прибыльная, из-за чего пришлось переквалифицироваться в журналистки и работать в двух газетах сразу. В Москве, на одной из конференций МИДа, куда съехалась пресса со всей страны, Меркулова познакомилась с военным корреспондентом Родионом Бойченко. Они недолго прожили вместе и разошлись по сашиной инициативе: Родя стал намекать, что он в их будущей семье – единственная звезда на журналистском небосклоне, а жена должна посвятить себя дому. Собрав чемоданы, девушка твердо решила, что больше никогда не станет планировать брак – с нее хватит.

Через пару лет интернет открыл широкие возможности для творчества, Меркулова завела собственный канал и принялась с упоением разбирать по косточкам мировую политику. Люди, замороженные враньем со всех сторон, охотно смотрели ее блоги, и вскоре Александра стала экспертом, на слова которого ссылались российские и зарубежные СМИ. В столице ей совсем не понравилось, девушка построила домик в Рябиново и переехала вместе с верным Хосе Марти.

Однажды она отправилась в Новолесинск на своей машине – прекрасном «Мини Купере», совсем новеньком и вполне надежном. Но что-то пошло не так, мотор внезапно за-

глох, Саша оказалась одна на трассе. Никто не останавливался и не предлагал помощь: не удивительно, ведь мужчины, проезжавшие мимо, сплошь были водителями потрепанных «Жигулей» и древних иномарок. Зависть к молодой девчонке, успевшей заработать на дорогое авто, затмевала все добрые побуждения. Наконец, напротив несчастной притормозила «Нива». Из нее выбрался высокий полноватый парень с угрюмым лицом и в костюме цвета хаки.

– Сломалась? – участливо спросил он.

Саша кивнула. Незнакомец вынул ящик с инструментами, открыл капот и стал молча копаться в нем. Он не задавал дурацких вопросов, не сыпал остротами на тему женщин за рулем, не умничал – просто исправлял поломку. Наконец, «Мини Купер» ожил.

– Съездите в салон, где покупали машину, и потребуйте заменить ее, – посоветовал парень. – Здесь заводской брак.

– Спасибо вам, вы просто чудо! – искренне воскликнула Александра и предложила ему денег за работу.

– Нет, – коротко ответил тот. – У меня хорошая зарплата. Давайте, провожу вас в город прямо к сервисному центру. Вдруг снова заглохнет.

Саша не стала отказываться. Она сдала железного коня и устроила небывалый разнос менеджеру, администратору и служащим компании, посмевавшей ее обмануть. Возвращаться домой пришлось без покупок и на «Ниве» доброго самарянина.

– Хоть скажите, как вас зовут, – усмехнулась Александра, пристегиваясь ремнем безопасности.

– Костя, – улыбнулся в ответ парень.

– А я Саша.

– Ой, вас по телевизору показывали! – сообразил, наконец, он и стал похож на счастливого ребенка, которого родители привели на экскурсию в Останкино.

– Интересуетесь политикой?

– Неа, – помотал головой Костя. – Просто включаю телек, чтоб бубнил, так веселее.

Меркулова рассмеялась. Новый знакомый явно был птицей другого полета: он ничего не смыслил в мировой обстановке, не читал книг, из музыки предпочитал «что-нибудь душевное», что на поверку оказывалось слезливой попсой, но почему-то нравился ей все больше и больше.

– Не желаете пообедать со мной? – спросила Саша, когда они подъехали к ее дому. – Только предупреждаю: вся еда куплена в супермаркете, я ненавижу готовить.

– Почему? – искренне удивился Костик.

– Надоело с детства, – буркнула Меркулова. – Каждый день приходилось вставать в пять утра, чтобы сварить обед себе и бабушке – она уже была очень пожилой. Меня тошнит от вида кастрюль.

– А твоя мама? Она... умерла? – перешел на «ты» Стрельцов.

– Нет, слава Богу, нет, они с отцом сейчас в Ботсване, ра-

ботають хирургами в больнице.

– Это где такая страна? – удивился Костя.

– В Южной Африке. Там один врач приходится на 3000 человек, катастрофическая нехватка персонала, люди страдают от менингита, СПИДа, всяких лихорадок. Родители заняты важным делом.

Парень загнал «Ниву» во двор, молча прошел на кухню, повязал фартук, порылся в холодильнике, выудил оттуда замороженное мясо и принялся, насвистывая, чистить овощи.

– Что ты делаешь? – развеселилась Александра. – Боишься, что я предложу тебе пельмени из пакета? На самом деле у меня вполне приличный обед: я купила его в уважаемом ресторанчике. Твоему желудку ничто не угрожает.

– Хочу немного позаботиться о тебе, – пояснил немногословный Костик. – Приготовить что-нибудь горячее, вкусное. Не сомневайся, я умею.

– Если ты решил меня пожалеть из-за того, что я рассказывала о родителях, то напрасно: не испытываю никаких душевных мук, не страдаю от нехватки внимания с их стороны. Я горжусь ими, – ощетижилась Меркулова.

– Я не спорю, – округлил глаза Стрельцов. – Просто ты такая красивая и... как это...а, хрупкая, вот. Я никогда не встречал похожих. Прямо так и тянет сделать для тебя что-то приятное, чтобы порадовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.